

Проста мова

© Е. А. СМЕРНОВА

Проста мова в старых памятниках обыкновенно называется “языком русским” [1. С. 1]. В Великом княжестве Литовском XVI–XVII веков это был письменный язык, в основу которого предположительно легли диалекты западнорусского народа, проживавшего на его территории. Изучение и описание этого языка началось еще в конце XIX века такими исследователями, как П.И. Житецкий, М.В. Довнар-Запольский, Е.Ф. Карский и др. При этом, как отмечает в своей статье М. Гардзанини, до нашего времени “отсутствует какое-либо системное описание самого языка и его релевантных характеристик, прежде всего в сопоставлении с польским и с церковнославянским того периода” [2. С. 169].

По утверждению А.В. Карташева, Литва в XVI веке сознавала себя русским княжеством. В этот период Литовское Великое княжество состояло частично из “Литвы, занимавшей немного более двух нынешних губерний, Виленской и Ковенской, — пишет архиепископ Макарий, — а преимущественно из русских областей, обнимавших пространство девяти других, западных и южных, нынешних наших губерний: Смоленской, Витебской, Минской, Гродненской, Могилевской, Черниговской, Киевской, Волынской и Подольской. К этим областям надобно причислить и ту часть Галиции, которая хотя в гражданском отношении находилась под властью Польши, но в церковном принадлежала к Литовской митрополии” [3. С. 21]. “Русский народ диалектологически здесь принадлежал ко всем трем своим ветвям: великорусской, белорусской и южно-русской, названной греками малорусской. В самой столице Литвы — Вильне к концу XV в. половина населения была по вере православной, а по расе и языку русской” [4. С. 535–536]. И, “хотя польская государственность и наводняла Литву делопроизводством и актами на польском языке, с литовской стороны государственный язык русский преобладал и был обязательен в актах и договорах. Даже акты королевской власти, публикуемые законы и все судопроизводство в Литве обязательно совершалось на государственном для Литвы русском языке” [4. С. 537]. В то же время, но-

ся имя *русского*, язык этот уже отражал оформление белорусского диалекта на лексическом и грамматическом уровнях.

Б. А. Успенский считает, что в основе *простой мовы* “лежит актовый канцелярский язык Юго-Западной Руси, официально признанный в польско-литовском государстве как язык судопроизводства. Этот язык, постепенно теряя функции делового языка, становится литературным языком в широком смысле, т.е. употребляется и вне деловых текстов. Став языком литературы (в том числе и конфессиональной), этот язык подвергся нормированию (главным образом на уровне орфографии и морфологии). Таким образом, *проста мова* представляет собой книжный (литературный) язык, возникший на основе делового государственно-канцелярского языка Юго-Западной Руси” [5. С. 68–69]. Следовательно, на *простой мове* в XVI веке создаются тексты различного содержания: и делового, и церковного.

В нашем исследовании основное внимание будет уделяться священным текстам, так как Евангелия, имея схожие структуру и содержание, лучше поддаются сравнению и анализу (например, при сравнении параллельных фрагментов, написанных на *простой мове* и церковнославянском языке того периода), нежели тексты деловой письменности.

Следует отметить, что на развитие и распространение *простой мовы* сильно повлияло то, что в середине XVI века на территорию Великого княжества через Польшу и другие соседние государства стало проникать протестантство. “По отношению к священным книгам влияние протестантства выразилось двояким образом: с одной стороны, в появлении критического отношения к тексту священных книг, в желании иметь точный и полный перевод Библии; с другой – в желании иметь книги на родном и притом по возможности простом, народном языке, который всем был понятен. Первое вызвало проверку Библейского текста по еврейским священным книгам, которые принимались за первоисточник; второе – способствовало появлению значительного количества переводов книг Ветхого и Нового Заветов на народную речь – польскую и рускую” [6. С. 10–11].

Первые попытки перевода книг Ветхого и Нового Завета на *просту мову* относятся к началу XVI века: в 1517–1519 годах вышли в свет книги Ветхого Завета в переводе Франциска Скорины, рукописное Евангелие первой половины XVI века, текст которого в основе своей церковнославянский, но отдельные слова переданы по-малорусски.

Значительно богаче подобными переводами вторая половина XVI века: Пересопницкое Евангелие (1556–1561 гг.), Евангелие Тяпинского (около 1570 г.), Житомирское Евангелие (1571 г.), являющееся переделкой Пересопницкой рукописи, Летковское Евангелие, в целом – церковнославянское, но со значительной малорусской вставкой, перевод Нового Завета В. Негалевского (1581 г.), а также многочисленные списки и переводы Учительных Евангелий XVI–XVII веков.

Лексический состав *простой мовы* очень неоднороден, поэтому исследователи не могут прийти к единому мнению о происхождении языка. По этой же причине нет также единого мнения о том, как называть этот язык. Например, Франциск Скорина называет язык своих изданий *русским*, противопоставляя ему язык *словенский*. Василий Тяпинский, переводчик Евангелия на *просту мову*, называет западнорусский народ и его язык *зацным руским*. Как писал Е. Карский, “вследствие преобладания в этом наречии особенностей теперешних белорусских говоров многие ученые исследователи называют его белорусским, как, например, Буславев, Огоновский, Житецкий, Соболевский, Недешев, Владимиров, Крыжанич” [1. С. 3]. С другой стороны, западнорусские писатели того времени иногда называют его также *литовским*. Так, «Лаврентий Зизаний слово “катехизис” объясняет следующим образом: “по-литовски оглашение”; или Памва Берында в своем словаре (1653 г.) говорит: “петель: чески и руски. когуть; волынски. певень; литовски. петух» [1. С. 1]. Есть исследователи, которые из-за присутствия в западнорусском наречии элементов польского языка, называют его русско-польским языком, а некоторые из них – даже наречием польского языка (Штриттер, Греч, Линде).

Многие исследователи указывают на искусственность *простой мовы*. Некоторые из них по этой причине даже отказывают языку в собственном названии. Так, Бодянский писал о западнорусском наречии: “Им никто никогда не говорил и не говорит... (так как он представляет) самую отвратительную смесь, какую только можно себе представить и какая когда-либо существовала на Руси” [1. С. 2]. А исследователь Головацкий то же говорил о языке Библии Ф. Скорины: “То язык ни белорусский, ни великорусский, ни малорусский, а язык книжный искусственный, яким никто никогда не говорил и не говорит” [1. С. 2].

Действительно, западнорусское наречие приняло в себя как черты общерусского языка, так и особенности местных народных говоров. “Когда оно стало языком литературы, в него обильным потоком вошли еще, с одной стороны, стихия церковнославянская книжная, а с другой – при посредстве речи образованного общества со временем проник язык польский; вследствие указанных обстоятельств наречие книжное западнорусское, как и всякий язык литературы, стало в большей или меньшей степени искусственным” [1. С. 6]. Об этом же пишут и украинские исследователи: «Письменство цее вживало особливої мішанини, аж надто незграбного жаргону (“язичія” за пізнішою термінологією), де неорганічно зливалися до купи елементи церковно-слов’янські, польські і малоруські (вони рівночасно й білоруські)» [7. С. 114].

Изучение *простой мовы*, как нам представляется, должно основываться, в первую очередь, на сравнении и сопоставлении священных текстов, написанных на этом языке, с церковнославянскими памятниками этого периода. В данном исследовании для изучения *простой мовы* было решено остановиться на Евангелии Тяпинского [8] – этот источник вы-

деляет как один из основных Б.А. Успенский [9. С. 397], а для сопоставления с церковнославянским языком приводится текст Евангелия по списку Острожской Библии (ОБ), изданной в 1581 году.

Грамматические особенности *простой мовы* на материале Евангелия Тяпинского выражаются в употреблении переводчиком контаминированных глагольных форм прошедшего времени (перфектные формы).

Переводчик Евангелия использует как традиционные, так и контаминированные перфектные формы, которые напоминают современную польскую парадигму в прошедшем времени. Тяпинский присоединил к основам на -л польские окончания в 1 л. ед. ч. (-*от* в м. р., -*ат* в ж. р.) и 1 и 2 л. мн. ч. (-*істы*, -*іście*): 1 л. ед. ч.: *вызвалом* (Мат. 2:15) м. р. – *възва(х)* (ОБ); *уподобалом* (Мат. 3:17) м. р. – *бл(а)говол(и)х* (ОБ); *пришолом* (Мат. 5:17) м. р. – *прійидох* (ОБ); *реклom* (Мат. 16:11) м. р. – *рех* (ОБ); *утерпелам* (Мат. 27:19) ж. р. – *пострадах* (ОБ); 1 л. мн. ч.: *пророковалисмо* (Мат. 7:22) – *пр(о)р(о)чствовахом* (ОБ); *выганялисмо* (Мат. 7:22) – *изгонихом* (ОБ); *чинилисмо* (Мат. 7:22) – *сътворихом* (ОБ); 2 л. мн. ч.: *слышелисте* (Мат. 5:21) – *слышасте* (ОБ); *неплесалисте* (Мат. 11:17) – *неплясасте* (ОБ); *ненарекалисте* (Мат. 11:17) – *нерыдасте* (ОБ). В белорусской письменности с середины XVI века, наряду с аналитическими формами, начинают встречаться подобные синтетические формы перфекта, в которых глагол-связка сливается с причастием на -л в одно слово. Евангелие Тяпинского является фактически первым памятником, где такие формы имеют значение основной нормы [10. С. 190].

На лексическом уровне в тексте Евангелия Тяпинского можно увидеть заимствования из украинского, белорусского и польского языков. Однако нельзя отрицать, что основа текста Евангелия – общеславянская, и заимствования составляют лишь его небольшую часть. Далее приводятся примеры заимствований в Евангелии В. Тяпинского с параллелями из Острожской Библии: *блoзнеръсѣтво* – *хула* (Мат. 12:31); *будованьє* – *зданца* (Мат. 24:1); *виеточеньства* – *любодеяния* (Мат. 15:19); *грошеи* – *пенязь* (Мат. 18:28); *жолнери* – *воины* (Мат. 8:9); *запроваженє* – *преселєние* (Мат. 1:12); *звитєжство* – *победа*; *зводитєль* – *лъстец* (Мат. 27:63); *катом* – *мучителем* (Мат. 18:34); *левица* – *шуица* (Мат. 6:3); *мешкал* – *вселися* (Мат. 2:23); *обличѣ* – *лице* (Мат. 17:2); *облуда* – *призрак* (Мат. 14:26); *одедича(т)* – *наследят* (Мат. 5:5); *офитосьти* – *избытка* (Мат. 12:34); *покусы* – *напасть* (Мат. 5:44); *правица* – *дєсница* (Мат. 6:3); *рольє* – *сєло* (Мат. 27:8); *фрасунком* – *печали* (Мат. 13:21).

В заключение, следует отметить, что, хотя церковных памятников, написанных на *простой мове*, дошло не так много, их изучение необходимо для лучшего понимания истории не только белорусского, но и русского языка. Это касается, в первую очередь, исторической грамматики, но также лексикологии и лексикографии. Именно на “простой мове” впервые в конце XVI века появляются тексты металингвистического характера (словари): “Лексис” Лаврентия Зизания (1596) [11], “Лексикон

славено-росскій и имен Тлъкованіе” Памвы Берынды (1627 г.) [12], анонимный рукописный словарь “Синоніма славеноросская” [13].

Таким образом, памятники, написанные на *простой мове*, могут стать интересным объектом исследования не только для историков языка, но и для лингвистов, изучающих современное состояние языка через призму истории.

Литература

1. Карский Е. Что такое древнее западнорусское наречие; отд. оттиск из “Трудов IX археол. съезда в Вильне”. М., 1893.
2. Гардзанини М. “Учительское Евангелие” Мелетия Смотрицкого в контексте церковнославянской традиции евангельской гомилетики и проблема перевода Евангельских чтений // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo. Alessandria, 1999.
3. Архиепископ Макарий [Булгаков М.П.]. История русской церкви. Период разделения русской церкви на две метрополии. М., 1996. Кн. 5. Т. 9.
4. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. 1993. Т. I.
5. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.
6. Назаревский А.А. Язык Евангелия 1581 года в переводе В. Негалевского // Университетские известия. Киев, 1911. Кн. 8, 11, 12.
7. Шахматов О., Кримський А. Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам’яток письменської старо-українщини XI–XVIII вв. Київ, 1924.
8. Evanhelije in der Übersetzung des Vasil Tjapinski um 1580. Facsimile und kommentare. Paderborn, München, Wien, Zürich. 2005.
9. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.
10. Мова беларускай письменнасці XIV–XVII стст. / Под ред. А.І. Жура’скі. Мінск, 1988.
11. Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская / Підг. текстів пам’яток і вступ. ст. В.В. Німчука. Київ, 1964.
12. Лексикон славеноросський Памви Беринди / Підг. тексту і вступ. ст. В.В. Німчука. Київ, 1961. С. 271.
13. Синоніма Славеноросская / Издано П. Житецким вместе с “Очерком литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв.” Киев, 1889. Ч. I.